

Светлана
СЕЛИВАНОВА

200 -ЛЕТИЕ Пушкина мистическим образом совпало не только с концом нынешнего века, но и с началом нового тысячелетия. «Бывают странные сближения...» И такие сближения, такое совпадение поистине масштабных в ценностном смысле дат побуждают нас и к особой масштабности разговора об этих датах. Чтобы по-настоящему осмыслить духовную миссию Пушкина уже в этом новом, глобальном, временном измерении, расшифровать, по слову Достоевского, пушкинские «пророчества и указания», необходимо понять самую суть тех глубинных цивилизационных сломов, которые явственно обозначились к концу нашего столетия.

СОБСТВЕННО, предчувствия таких сломов, интуиции о грозящих миру духовных кризисах начали проступать сквозь ткань русской литературы более полутора веков назад — а именно в пушкинскую эпоху. В 1835 году Баратынский пишет свое знаменитое стихотворение «Последний поэт». Его начальные строки, полные горечи и тревоги, звучат предупреждением о надвигающейся на человека опасности:

*Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занят.
Исчезли при свете просвещения
Позы ребяческие сны,
И не о нем хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы...*

Показательно, что 1835 год — год, когда было написано это стихотворение Баратынского, это и год обращения Пушкина с письмом к начальнику III Отделения императорской канцелярии графу Бенкендорфу с просьбой разрешения на открытие своего журнала. Речь шла о журнале «Современник». Уже в начале следующего года вышел в свет его первый том. Конечно, было бы слишком узко трактовать причины, заставившие Пушкина взяться за новое издание, лишь его затруднительными материальными обстоятельствами. Кстати, в их разрешении журнал помог мало. Безусловно, дело было в другом. И прежде всего — в обстоятельствах общественных. И, конечно, в органично присущей Пушкину гражданственности, в государственности его мышления. Пушкин первым из русских писателей явил нам образец творческого поведения личности, для которой литература была не просто средством выражения потенций его духа, но и делом в высшей степени общественно значимым. Пушкин добровольно взял на себя ответственнейшую миссию не только организатора литературного процесса, но и демиурга общественной мысли, государственного строителя (вспомним его тезис: «Сословие журналистов есть рассадник людей государственных»). Проводя параллели с сегодняшним днем, мы, конечно, понимаем, что у Пушкина речь идет об идеальной мере.

Итак, начало 30-х годов прошлого века. Закрывается «Литературная газета», прекращается издание «Московского вестника» — печатного органа Любомировых. Пушкин и его круг, «литературная аристократия», как называли эту литературную общность ее идеологические противники, по сути, лишается общественной трибуны. А такая общественная трибуна, и это прекрасно понимал Пушкин, перед лицом угрожающих опасностей времени становится насущно необходима. И главная из этих опасностей как раз та, о которой так пронзительно было сказано Баратынским — «Век шествует путем своим железным, в сердцах корысть...». Буржуазность, наступающая на русскую жизнь, начинала вести себя вызывающе агрессивно. Литература, культура, утрачивая свою духовно-притягательную роль, все больше подчиняются диктату торгового оборота. Читатель обнаруживает в себе потребителя, способного диктовать литературе свои условия, навязывать ей свои вкусы, ставя ее в зависимость от своего спроса. Литература незамедлительно соглашается с подобным вызовом, угодливо стремится польстить массовым притязаниям. «Для удовлетворения публики, — с горькой пронизательностью констатирует Пушкин, — всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображению отвратительного,

мало заботясь об изящном, об истине, о собственных убеждениях». Подобная беспринципная позиция тем не менее находит и своих апологетов. И прежде всего в «журнальном триумвиате» Сенковского, Греча, Булгарина.

Именно на этом фоне и разворачивается Пушкин деятельность «Современника», призванного, по его замыслу, стать духовным барьером на пути всепроникающего яда потребительства и коммерциализации — этих непереносимых спутников буржуазности.

Общественная позиция журнала сильно и смело заявлена устами его главного редактора Пушкина прежде всего в статье

ВЕК ШЕСТВУЕТ ПУТЁМ СВОИМ ЖЕЛЕЗНЫМ...

ВЫЗОВЫ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ И ДУХОВНЫЕ ОТВЕТЫ ПУШКИНА

лит. Россия-1999 — 4 июня — с. 3

«Джон Теннер». Характеризуя нравственные отношения в центре буржуазного мира — в Северо-Американских Штатах, Пушкин обнажает перед читателем «демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». Он прозорливо замечает, как «все благородное, бескорыстное, все, возвышающее душу человеческую», оказывается подавленным «неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (комфорт)». Речь идет, таким образом, о полной дегуманизации общественных отношений, о забвении всех нравственных норм и правил — следствии новых буржуазно-демократических установлений по американскому образцу, то есть обо всем том, что «зрячий ум» русского гения (по глубокому определению о. Сергея Булгакова) сумел разглядеть еще на самой заре новой исторической эпохи.

Сегодня мы становимся свидетелями ее заката. Все те идеологиемы, на которых держался мир западной демократии, — либерализм (кстати, в пушкинском лексиконе это слово всегда несет в себе негативный оттенок: «еще похуже либерализма» — так говорится им о вещах, его раздражающих), права человека, гуманизм, — все оказалось развенчанным самим же Западом. Буквально на наших глазах произошло нечто вроде духовного самоуничтожения, совершенного с помощью собственных бомб и ракет.

Подтвердились самые мрачные пророчества Пушкина, писавшего о «бесчеловечных законах жестокого века», не забываясь об «улучшении нравов».

И ВСЕ-ТАКИ было бы глубочайшим заблуждением полагать, что исторический взгляд Пушкина на просвещенческую идею, на социально-экономический прогресс был столь же пессимистичен, как у того же Баратынского, которого я цитировала выше.

«О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...» — эта пушкинская формула прогресса — ответ поэта и его сегодняшним оппонентам, настаивающим на идее ошибочности подобного вектора движения России, бесконечно идеализирующим допетровские патриархальные времена, толкающим нас к изоляционизму и обрядовому национализму. Пушкин думал иначе. Национальные пути России, по его глубокому убеждению, не могли проходить в стороне от магистральных дорог мировой истории. Другое дело — сохранение своей национальной идентичности, собственного культурно-исторического лица. Пушкинский гений сумел соединить национальную судьбу России с мировой историей, преодолев разрыв, образовавшийся в тканях русской исторической жизни после революционных петровских преобразований.

Таким образом, Пушкин прекрасно понимал, что научно-промышленный путь, на который вслед за Западом вступала Россия, — не только объективная закономерность, но и историческая необходимость. Его беспокоило другое — не прогресс как таковой, а те духовные и гуманитарные последствия, которыми он был чреват.

«Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне...» — так, провидчески глядя на

ясь в сопряженные с прогрессом опасные мутации человеческого духа, пронизательно и резко отзываясь Пушкин о том типе полупросвещенного интеллигента-прогрессиста, который в его времена только еще начинал подавать голос, а в наши дни, оперившись и раздобыв, в том числе и на заморской суррогатной подкормке, уже высокомерно поучает, полагая себя истинным представителем так называемой передовой и цивилизованной части человечества.

Подобного рода «прогрессизму», натиску технократизма, «экономизма», проповедующим приоритеты пользы, выгоды, комфорта, оголтелому энтузиазму по поводу всего «нового», бездумному преклонению перед современностью — Пушкин противопоставлял традицию, глубинную историческую вертикаль: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

В ЦЕННОСТНОМ отношении мир для Пушкина глубоко иерархичен. Отсюда и так поражавшее Льва Толстого гармоническое распределение предметов в художественном мире самого Пушкина. Отсюда его мудрое спокойствие и удивительно бесстрашие перед агрессивностью современности. Ему была введима норма. И именно это присутствие нормы создает неповторимый ареал его художественного мира. И в этом смысле творчество Пушкина — явление не только уникальное, но и абсолютное в ценностном отношении. Оно первоначально по своей онтологической сути, свободно от энтропийности, соблазнов все смешения. Дар различия — первейший дар Пушкина, как бы преподнесенный ему свыше самим Творцом.

Творческая интуиция Пушкина пытается доискаться до глубинных смыслов предметов, ее оскорбляет их невнятность, замутненность их речи.

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.

«Смысла я в тебе ищу» — этой строкой заменяет Пушкин свой первоначальный вариант: «Темный твой язык учу» в концовке стихотворения «Бессонница», вслушиваясь в пугающе-бессвязные звуки обступившей его ночной тьмы.

Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

Этот пушкинский призыв к миру, прозвучавший, как это ни парадоксально, в едва ли не самый тягостный период жизни поэта, — к миру, проникнутому извечной борьбой Добра и Зла, Правды и Лицемерия, Света и Мрака, был услышан Россией. Об этом свидетельствует вся ее последующая трагическая, но пронизанная высочайшим духовным порывом история.

Этот призыв был услышан и понят русской литературой.

Не поразителен ли тот факт, что Пушкин оказался единственным из русских писателей, в оценке которого единодушно сошлись почти все великие деятели русской культуры, сколь бы они ни разнились между собой, и все почтили за честь считать его своим учителем? «Русская литература, — как заметил Александр Островский, — в одном человеке выросла на целое столетие». И, осмелев добавить от себя, почти на целое столетие отсрочила

погружение России в то состояние аморфного безволия, которое позволило ей дать совершить над собой операцию по имплантации в свой организм чужеродных органов и тканей, соблазнить себя байками потребительского демократического рая с его так называемыми свободами. Свободы же на поверку оказались свободами от долга, ответственности, совести. Или — другими словами — свободами от заветов христианской морали.

И ЗДЕСЬ мы подходим к той черте, которая на карте уходящего тысячелетия может быть обозначена как закат европейской идеи, а по сути, идеи западного христианства.

Именно под знаменами христианства входило в мир второе тысячелетие. Пушкин писал об этом: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей священной стихии исчез и обновился мир. История новейшая есть история христианства».

Гений Пушкина — одна из вершин этой всемирной и уходящей сегодня в небытие Истории.

А потому совершенно бессмысленными кажутся современные споры о том, хорошим ли был Пушкин христианином, и уж совсем кощунственными обвинения его в дехристианизации, в полной секуляриза-

ции мышления с привоскоплением определений типа: «богоульчик, масон, индивидуалист», творчество которого лишено «архетипических мотивов», связей с «Традицией и ее языком», и т.д. и т.п. (Александр Дугин. «Филолог Аввакум». Газета «День литературы», 1999, № 1).

Подобная степень непонимания, а точнее — нечувствования русского гения лишний раз подтверждает афористическую точность пушкинской мысли: «Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви».

Я привела этот пример исключительно потому, что данное восприятие Пушкина исходит от одного из адептов нынешней патристической мысли, объявляющего себя сугубым традиционалистом и апологетом Святой Руси.

О других попытках отлучения Пушкина от христианской традиции, в частности, о желании представить его едва ли не первым диссидентом России, этим демократом-западником, сокрушающимся по поводу русского варварства (Юрий Дружников. «Узник России»), всерьез и говорить не хочется.

Как видим, сегодня (впрочем, так было и вчера) Пушкин становится центром столкновения наиболее агрессивных идеологических тенденций — мрачного фундаментализма и оголтелого либерализма, пытающихся сделать его либо мишенью собственных амбициозных притязаний, либо своим сторонником и чуть ли не знаменем.

История показала: подобные потуги безнадежны.

Только поняв, как поняла это в свое время великая русская литература, что Пушкин — идеальный центр русской духовной Вселенной, до которого еще предстоит дотянуться, Россия сможет исполнить — в который раз! — свою очередную историческую миссию: спасти и вернуть миру христианскую идею.

Такая постановка вопроса может показаться странной для нынешнего состояния России. Однако вопреки всем тяготам, всем кризисам, всем агрессивным напорам — внутренним и внешним, вопреки потере державной воли и мощной государственности, последовательным воспитателем и строителем которых был Пушкин, вопреки тому, что ойкумена пушкинской России сжалась сегодня, как шагреньевая кожа (где «брега Тавриды», где «холмы Грузии», где «тихие украинские ночи», где бескрайние степи?... — перечисления могут быть долгими), — вопреки всему этому хочется надеяться, что с нами осталась Россия духовная, та Россия, в историческое предназначение которой Пушкин никогда не переставал верить и о которой писал:

...Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!..

Светлана Даниловна Селиванова родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ. Автор книги «Над пушкинскими рукописями» и многих работ по истории русской классической и современной литературы. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Гравюра В. ПОКАТОВА

Пушкин

А. С.

04.06.99